

Эдуард Эстерис

Тень безымянного

Эдуард Эстерис

Тень безымянного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28746076

ISBN 9785449024886

Аннотация

Лирика 2006—2016 гг. Избранное. Стихи публиковались на сайтах Самиздат, Стихи.ру, в местной печати под разными псевдонимами.

Содержание

1. Темные века	6
Святая Ольга	6
Солнце слепошаро	8
Киноварь	10
Старый сенешаль	11
Шехерезада	12
В пещере горного короля	13
Надушенным платочком	15
Над лохматой лесистой горой	16
Рыжие пятна света	17
Купальское	19
Сфинкс	20
Зеленоглазая	21
Дон Кихот	22
Мох сползает	23
Над закатной травой	24
Не входи в этот сумрачный лес	25
Чепец за мельницу	26
Золушка	27
2. Один год из жизни женщины	28
Снегурочка	28
Стеклянный ангел	30
Новогодие	31

Постпраздничное	32
Город	34
Молитва дорожная	35
Левиафан	36
Красавица	37
Долг	38
Банальность	39
Люблю ли	40
Влажность	41
Разрезали	42
Завидую ли ей	43
Она придет	44
Такой характер	45
Твое слово	46
Жаба	47
Иголка	48
Убежала	49
Девушка с веслом	50
Арбуз	51
Стала злой	52
Плачет ангел кистеперый	53
Порвался чулок	54
Розой алой или белой	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тень безымянного

Эдуард Эстерис

© Эдуард Эстерис, 2018

ISBN 978-5-4490-2488-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Темные века

Святая Ольга

От каждого двора – по голубю.
Дань малую взяла – не голыми
врагов своих вдова оставила,
но в огненной погибнуть лаве им,
в пожаре, принесенном птицами.
Перуну ли теперь молиться им?

Позарились на сбереженное.
– Пойдешь ли к басилевсу в жены ты?
– Не дело мне идти язычницей,
крести меня, царь, по обычаю.

Шнурок с крестом надела кожаный.
Так надо. Новый бог поможет ли?
Отказ на ум приходит просто ей:
– Теперь я дочь твоя во Господе.

Сурова. Ни слезы не вытекло.
Где вера тут, а где политика?
Сын – воин, а за нею – княжество,
И сердце женским только кажется.

Солнце слепошаро

Солнце слепошаро
смотрит сквозь туман,
не терзай гитару,
грозный атаман.

Под рубахой потной
сердцу тяжело,
взял в полон красотку —
сам попал в силок.

В душу – злое жало,
как лягушка – прыг.
Угрожал кинжалом,
подносил дары.

Поглядит волчицей,
и молчит в ответ.
Как остановиться?
Смять девичий цвет?

Взять гордичку силой,
если ей не люб —
не сорвется: «Милый...»
с побледневших губ.

Дрожь прошла по коже,
лопнула струна.
Бог тут не поможет,
только сатана.

Киноварь

Над дорогой клубится туман,
Тяжек груз нержавеющей лат,
Вот и горе пришло от ума
В тихий шум поднебесных палат.

Все. Конец. Ниоткуда теперь
Брать огонь, чтоб согреться во тьме,
А под сердцем царапает зверь,
Не дает навсегда онеметь.

Что зима потерявшему честь,
Отхлебнувшему крови сполна.
То ли пить, то ли есть, то ли – мечь.
А победа совсем не нужна,

Над дорогой клубится туман,
Затяжные дожди впереди,
Ты пропал, хоть казалось, что – пан.
Напоследок вокруг погляди.

Полюбуйся – победы твоей
Бесплезную грязную гарь
Мнут седые потоки дождей.
И заката горит киноварь.

Старый сенешаль

Режет стриж крылами
облачную шаль,
не потушит пламя,
старый сенешаль,

выдана неволей,
птицей к небу рвусь,
скачет всадник полем,
крутит черный ус.

Долг? Ты что, серьезно?
Дурочек морочь.
Мне – под небом звездным
бархатную ночь,

мне бы – утомленных
ненасытных утр.
Лезь, побег зеленый,
сквозь решетку внутрь.

Быть ли страсти? Или...
Мне одной решать,
знаю, слеп как филин
старый сенешаль.

Шехерезада

На краю изысканного ада,
Каждый день рискуя головой,
Выплетает сказ Шахерезада.
Может быть, останется живой?

«Что тирану слезы и молитвы?
Красота – как свечи на ветру.
В нем одном и бог, и дьявол слиты.
Ошибусь – и поутру умру.»

Удалось смягчить владыку словом.
Повезло. Спасла и спасена.
Но надолго ль? Зло многоголово
И легко обходится без сна.

Сколько ж слов на ветер бросить надо,
Чтоб сдержать, направить и помочь?
Речь ведут во тьме шахерезады.
Не спеши. Им казни не пророчь.

В пещере горного короля

В пещере горного короля
лежат алмаз и простой булыжник.
Угрюмый викинг, мозги заголя,
орет: – Выходи, на меч свой нанижу!
Он слышал сказки не раз про алмаз,
Бояться булыжника – много чести.
Чернеет зловеще широкий лаз,
Хотите – смотрите, хотите – лезьте.
– Нет, в дырку, согнувшись, – не мой подход!
Боишься, раз выйти на бой не хочешь.
Давай, не сидеть же тут целый год?!
А день успел замениться ночью.
Выходит дева: луна в косе,
Блестит словно звездное небо, платье.
Тут даже викингу окосеть.
Задор боевой заменен на «взять бы...»
В одной руке у красы лесной
Алмаз блестит, в другой – булыжник.
– Иди же... ближе... присядь со мной...
Ну что ты медлишь... Иди.. Иди же...
Какой алмаз? Позабыт алмаз.
Булыжник? Видно, соврали люди.
– Иду. Отвести невозможно глаз.
Ты будешь моей. И будь, что будет.

В пещеру горную лик зари
Взглянуть хотел бы, да не пускают.
Рыдания слышатся изнутри,
Снаружи – у трупа черная стая.

Надушенным платочком

Надушенным платочком
Прикроюсь от беды,
Прошла лихая ночка,
Растаяла, как дым.

Свеча рыдает воском,
Смят грубо мягкий плед,
Рассветная полоска —
Как плети алый след.

Фата тумана тает,
Покинут сладкий рай,
Летит по небу стая,
Вороний слышен грай.

Пророчат горе птицы,
За счастье платой – честь,
Слезам пора пролиться,
Не спать, не пить, не есть.

Возмездие разверзнет
Зев смрадный до пупа.
Шаг в коридоре мерный...
О, как же я глупа!

Над лохматой лесистой горой

Над лохматой лесистой горой
Встанет солнце,
После тысячи грязных дорог
Он вернется.

Ураганом в ухоженный дом,
В тела стылость,
И запахнет далекой бедой.
Это ль милость?

Сталь объятий. Успела забыть
Окрик грозный.
Отказаться бы от ворожбы.
Поздно. Поздно.

Рыжие пятна света

Рыжие пятна света
Бродят по темной сцене.
Что ты грустишь, Иветта?
Рыцарь тебя не ценит?

Рыжие кудри страшно
Тронуть рукой могучей,
Так для чего на башню
Лез по скалистым кручам?

Осени неизбежность,
Ярость рябины зрелой,
Поздно искать подснежник,
Лист раздвигая прелый.

Бархатная коробка,
Губ лепесток закушен.
– Вымечтал образ робкий,
Выдумал стать и душу?

Да, в этой башне старой
Я не помолодела,
Хочешь, возьми гитару,
Хочешь, возьмись за дело.

Значит, разочарован?
Ладно, Господь с тобою, —
Солнце рыжей коровой
Вниз бредет к водопою.

Рыцарь ушел в долину.
Плачет ли, нет, Иветта?
Жадным укусом в спину
Осень целует лето.

Купальское

Хор утихает птичий,
Месяц улегся в пруд.
Древний зовет обычай
В гаснувший изумруд.

Теплой купальской ночью
Жарок цветов костра.
Хочешь? Конечно, хочешь!
– Можно горстями брать.

Счастье? Нежданный случай?
Робкий печальный вздох.
А под сосной могучей
Мягко зеленый мох.

Спите, святые лики,
Завтра – за все ответ.
Каплями земляники
Выстелю путь в рассвет.

Сфинкс

Посреди гнилой зимы,
На мокрой набережной темной,
Где морду солнцем не умыть,
Уселся Сфинкс как пес бездомный.

Тысячелетия прошли,
Забыта древняя загадка,
Здесь, на другом краю Земли
Ему сидеть совсем не сладко.

Снег трогает бесстрастный лик
И, кажется, что он привык,
Хоть кубок тайн веками выпит.

Но лучше пленника не зли,
Хоть сердца он не веселит,
И непрозрачен, как Египет.

Зеленоглазая

Зеленоглазая, зачем тарацишься,
На солнце выбравшись из душных трав?
Тварь тонкокожая, всего лишь ящерка,
Без яда смертного, чтоб покарать.

Погреться вылезла, хвост ломкий выставив,
Чешуйки светятся, как изумруд,
Ты слишком мелкая, чтоб встать под выстрелы,
Тебе ли в крупную влезать игру?

Жизнь топчет, походя, твой луг аляпистый,
По бабьей слабости любой прощен,
А сердце жалобно частит под платыцем,
И очень хочется пожить еще.

Дон Кихот

Подлатал он латы,
Медный шлем почистил:
– Жизнь, почто подла ты?
Падаем, как листья
В день осенний хмурый,
Серый и короткий.
Продырявят шкуру —
Улыбайся кротко.
Бьют – терпи и помни,
Люди – просто люди,
Словно глины комья,
Им ли знать, что будет?
И поговоривши
С верным Россинатом
Позабыл он вирши,
Надевая латы.
Едет еле-еле,
А вдали синее,
Словно прыщ на теле,
Замок Дульсинеи.

Мох сползает

Мох сползает на землю со старого пня,
Ручеек из-под корня струится,
Подожди торопить по тропинке коня,
Не спугни недовольную птицу.

Хриплый клекот меж темных еловых ветвей,
По доспехам – неверные тени,
И не скажешь «правей», и не двинешь «левой»,
И уже ничего не изменишь.

Победишь, но душа потихоньку умрет,
А вокруг – раболепные лица.
Так скачи через чашу бесстрашно вперед,
Крепкоруко сжимая сулицу.

И не слушай протяжного крика вослед,
Не тебе разбираться в сплетении бед.

Над закатной травой

Над закатной травой промычал козодой,
Воздух медом густеет, хоть режь его,
Умываюсь огнем, утираюсь водой,
На все стороны кланяюсь вежливо.

Что глядишь на меня, многоглазая тьма,
Что пугаешь, чащоба звериная?
Покарает ли бог недостатком ума,
Если горькую долю отринула?

Или сжалится, даст не попасться в силки?
А родные огни далеки, далеки...

Не входи в этот сумрачный лес

Не входи в этот сумрачный лес,
Там тропинки как змеи ползут.
На осине качается бес,
Утирая скупую слезу.

На опушках дурной бурелом,
Кучи грязного пластика с дач,
Здесь бессмысленно биться со злом,
Сколько златом картину ни лачь.

Он вошел. Ты за ним не спеши.
Пусть вернется тебя отыскать.
Трудно старую рану зашить,
Хоть прощенья чаша близка.

Писк синиц будоражит листву,
Сила зла, как и прежде жива.
Помолчу. Подожду. Поживу.
Не на пользу пустые слова.

Чепец за мельницу

В деревне объявился молодец,
Солдат бывалый. А какой рассказчик!
Заброшу я за мельницу чепец,
И не беда, что черти в ад потащат.

Прознает муж и поколотит – пусть.
Подумаешь, и раньше попадало.
Молвы дурной и вовсе не боюсь.
Хоть сходу выдает румянец алый.

Две ночки, три, а дальше – не судьба.
Дорога сладких губ моих милее.
Уходит он, а горе мне хлебать.
Но никогда о том не пожалею.

Валяется за мельницей чепец.
Свила гнездо в нем птичка полевая.
У сказки невеселым был конец,
Но я его усердно забываю.

Золушка

Втиснута ножка в холодный хрусталь,

Пахнет духами и чуточку ладаном,

Бедного детства как будто не жаль,
Принц завоеван, чего еще надобно.

Если обиды в молчанье хлебал,
Власть не насытит, игрушка ведь та еще...
Время, продли, очарованный бал,
Стук каблучков по ступенькам мерцающим.

Раут, прием, за визитом визит,
Счастье влюбленности скоро развеется,
Взгляд по нарядной фигурке скользит,
Кто-то злословит, а кто-то надеется.

В голосе вдруг прорезается сталь,
Пухнет кошель символический кожаный,
Сердце одето в холодный хрусталь,
Губы в улыбку надежно уложены.

2. Один год из жизни женщины

Снегурочка

Весь год в привычном одиночестве.
Судьба – ни мужа, ни детей.
А в Новый год надежды хочется,
Снежинкой радостно лететь.

Хоть тело все еще не грузное-
Отяжелевшая душа.
Но есть работа профсоюзная,
Нести подарки малышам.

С ухмылкой трогает прическу ей
Слегка поддатый Дед Мороз,
Костюм наглажен с ретро-блестками,
Улыбка? Нате, не вопрос.

Детишки нынче стали ушлые.
Им все поведал Интернет,
Подарков ждут, конфеты кушают,
Но знают, Дед Морозов нет.

От дома к дому вечер катится,

Который год, который раз,
И вдруг – малютка в ярком платьице,
Восторг, сиянье детских глаз.

...Со стула синий бархат свесился,
Коса из пакли на полу.
Во сне растет до неба лестница,
Пронзая будничную мглу.

Стеклянный ангел

Не правда ли, странно
Поверить на вечер,
Что будет счастливей, красивей и легче?
Что ангел стеклянный,
Пузат и доверчив,
Слетит на ладонь, теплотой обеспечив?
А ночь новогодняя
Тоже конечна,
И радость по графику в чем-то увечна.
Тяжелое небо в огнях фейерверков:
Легко загорелись, легко и померкнул.
Шампанское греется, тихо шипя,
И я вместе с годом сегодня дитя.

Новогодие

Мерцает вечер новогодия,
Погода – что, погода та еще,
Земля раздета до исподнего,
И смотрит робко, выжидающе.

Вздохнет немного озадаченно,
А ветер в лоно грубо тычется.
Дрожать не надо, новобрачная,
Не только жертва ты, – владычица.

Рожать емель, злодеев, гениев
Тебе по-прежнему положено,
Ты – мать, и суть твоя – терпение,
Хоть нынче выглядишь моложе ты.

Постпраздничное

И все-таки в сочинении стихо без рифмы
есть какая-то небрежность,
как будто при нарезке салата
сомневаешься: надо ли более тонко или сойдет
покрупнее,
тем временем за окном небо синеет,
подкрадывается вечер,
наверное, не надо перечить
своему желанию,
не искать от любви врача,
правы караванщики,
скрашивавшие пением дорогу в барханах...
а... пусть идут себе дальше
в оазисы благоуханные...
прошли...
песок скрипит на зубах,
вдали замолкает звон колокольца,
палиндромом заплетается страх —
потерять себя,
свивается в кольца
дым отечества, он горчит,
надо ж перебить вкус сладкого,
а вот не отдам никому ключи,
и не грозите мне шоколадкой
умиро-творения,

у мира в горсти
зажата, как волос, с досады выданный,
а ну, пусти меня... пусти- пусти,
плавать буду, как нахухоль с выдрами,
непроницаемая для воды
блестящая шерсть
и рыбный запах,
а тем временем рассеялся дым,
и новая рыбка в упрямыа лапах,
золотая?
Нет, помилуйте,
просто плотвичка.

Город

Город – каменный мешок.
Жирный черный слой на листьях.
Год прошел, другой прошел.
Ты все выше, все ребристей.
Ноосферный мерный гул.
Негасимый свет полночный.
И кого ты обманул,
Мозг стянув в больную точку?
Да. Меня. Комфортный быт
Не заменишь пасторалью.
Хоть бывает, засмердит
Недолеченной печалью
По простору, по полям,
По прогулкам босикомым...
Впрочем, можно погулять,
И обратно в склеп знакомый.

Молитва дорожная

Небо разорвано белым росчерком,
моторы режут, высоту тревожа,
проще бы надо... надо проще бы,
но холод вздернул мурашками кожу.
Как им плывется или летается,
спокойно ли в креслах мягких комфортных
белым, черным, марсианам, китайцам?
Силуэт ползет серебристо-офортно
по самому синему небу в галактике,
блестящей слезой по щеке заката.
Глядеть, молиться, невидяще плакать ли,
когда тебя уносит куда-то.
...звук разрезаемого металла,
воплъ, изнутри ломающий череп...
пока вселенная не упала,
просто очень хочется верить:
они долетят, доживут, доедут,
хотя бессмертие нужно едва ли,
пожалуйста, не сбывайтесь, ригведы,
не надо плясать, черная кали.

Левиафан

На берегу белеет часть скелета:
не все на сувениры растаскали,
а мимо проплывает в лодке лето
под мокрой чуть подштопанной вуалью.
Ему костей беспмятных не нужно,
оно гордится тонкой жаркой кожей,
любовью, храбро рвущейся наружу,
кинжалом, вынимаемым из ножен.
Свободное. Веселое. Живое.
Смеется над отжившими костями.
А нам уже не выбраться с тобою,
На каменное ложе тянет, тянет...

Красавица

Красавица. И больше ничего.
Ни личности, ни чувства, ни ума
Не признают в ней. Лишь азарт погонь,
Лишь похоти неистовая тьма
За ней вослед. А хочется – любви.
Надёжности. Чтоб век как день прошел.
И снова поднимает веки Вий,
Ни капли не имея за душой.
Горит заря на кончике пера,
Уходит время песен и цветов,
Красавице в паноптикум пора,
Любая украдет ее лицо.

Долг

Ей казалось: вот, исполняю долг,
А терпение – добродетель.
Даже если сердце воет как волк,
Остается главное – дети.

Дети выросли и сказали: – Мать!
Что так рано выжила из ума!

Банальность

Ты получаешь ее в подарок,
Не зная цели.
Не пишут рукопись без помарок.
Грязь там, где ели.

Готов как будто и днем, и ночью
Час встретить судный,
Но как не хочется править почерк
И мыть посуду.

Люблю ли

Люблю ли я свои тревоги, свои заботы и труды?

Люблю. Покуда носят ноги, и не приговорили боги
пить чашу горькую беды.

Люблю ли разочарованье? Печаль осенних хмурых дней?

Люблю. Хотя все чаще ранит тяжелый бег лихих коней.

Люблю ли горькой правды тяжесть? Прозрений слишком
резкий свет?

Люблю. Об этом не расскажешь.

Но в этом жизнь.

На склоне лет

ценить приходится иначе

и ветра свежего глоток, и нерешенные задачи,

так и не найденный исток,

и не достигнутое устье,

и радость вперемишку с грустью.

Влажность

На улице влажность процентов под сто,
Не дождь, а зависшая серая хмурость.
Прилипший к асфальту кленовый листок,
Небесная синь, что от нас отвернулась,
Вполне согласуются с сумраком душ,
С попытками поиска происков вражьих.
Не принцем опять оказался лягуш,
Но страшно, что новый окажется гаже.
Осталось работать. Ждать свежих снегов.
Надеяться. Верить сегодня непросто.
Лисицей уставшей уйти от погонь
На личный, запретный, невидимый остров.

Разрезали

Разрезав Бога на сотни кусков,
Закрыли в храмы-ларцы,
Собрать не сможет фрагменты никто,
На страже их гордецы:
– Наш Бог – это Бог,
а ваших богов не знаем и знать не хотим.
И тянется по дорогам веков
войны одичалый дым.

Завидую ли ей

Она еще не наигралась:
Наряды, клубы, секс и спорт,
Но есть в изломе губ усталость,
Хоть взгляд решителен и горд.

Блестят ухоженные ногти,
Рубин на пальчике горит.
А сердце, кажется, промокло
От слез, которые внутри.

Ей не грозит трясина быта,
Никто не тронет красоты.
А может, лучше у корыта,
У колыбели и плиты?

Она придет

Она придет. Такая нежная.
Такая сладкая. Пьянящая.
Но сердце изгрызет небрежно вам
Горгона в порыжелом плащике.

Раздета будет и осмеяна,
А кровь от сахара очистится.
Смотрите: косы стали змеями,
Она уже не ложь, но истина.

Такой характер

Хочется быть мягкой и пушистой
Нежностью наполнить сладкий вечер —
Со двора несется крик «Фашисты!»
Пьяные разборки человечьи.

Позвонить в полицию? Без толку.
Мелкий камень невпопад в системе.
Осмелев, наперевес с метелкой
Выбежать в пугающую темень?

Страшно. Не пойду. Никак, затихло?
Разошлись. Теней не видно мрачных.
Обошлось. Не пробудилось лихо.
Не убийство. Небольшая драчка.

Ветер причесал деревьям космы,
Улеглась луна блином на скатерть.
И свербит в душонке полурослой,
Что поделать, раз такой характер.

Твое слово

Твое слово ложится в меня
словно камень на дно колодца:
не достать из воды глубокой?
Словно рыба-лоцман
к акульему боку приникает?
Или занозой под кожу —
мучить?
Нет, не такая
у него участь:
его приемлю
зерном в нагретую землю.

Жаба

А меня вчера позвали летать,
под высоким небом в вечерней заре.
Испугалась. Подумала: – Как же так?
Перво-наперво сердце бы отогреть,
и тогда, наверное, можно ввысь,
под шатер, украшенный блеском звезд.
Говорил он: – Что же ты? Поднимись!
Оторвись от пялец и гроздьев лоз!
Как старуха в землю опять глядишь,
позабыла яркую синеву,
в уголке скребешься своим, как мышь.
Как такие на свете вообще живут?

Как умею, живу. А в саду моем
Златоглазые жабы в траве густой,
Душу розы пчела потихоньку пьет,
И по-своему дышит каждый листок.

Иголка

..нет, не шпалоукладчица,
не сидела на нарах,
жизнь как будто полагена,
все досталось задаром:
времена безвоенные
и болезни обычные.
Что так смотришь, Вселенная?
Подготовила к вычету
из реестра страдающих,
право мямлить имеющих?
Даа... трусиха я та еще.
Без иголки кощейвой.

Убежала

Инеем осыпалась с ветвей,
Каплями разбилась, с крыши падая,
Хочешь – помни, а не хочешь – пей,
Все равно ответа нет: а надо ли?

Ускользнула солнечным лучом,
Высохла росинкой в чашелистиках,
Плюну через левое плечо,
А еще неплохо душу выстирать.

Девушка с веслом

В старом парке девушка с веслом,
Со спортсменки, говорят, ваяли.
Сильная, бестрепетная плоть,
А модели – смерть, а не медали,
Выпала в великую войну.
Кое-где надломлен гипс устало,
Поглядит прохожий: «Ну и ну...
Надо же, старушка устояла,
Несмотря на холод, дождь и зной»
Красоты стандарт давно иной.

Арбуз

Лето

Созрело совсем или нет?

Как узнать?

Взрезать

железом

зеленое пузо

арбуза

Стала злой

Стала злой.

А может, даже злобной.

Кожи слой

Как пластик нанотеховый.

А внутри, в иссохших долях лобных

Щерит смех ухмылку сменовехово.

За фасадом ярким, стройной талией

За душой,

Стервозностью отравленной,

Поселились маленькие сталины

И рабы – пока что не додавлены.

Плачет ангел кистеперый

Плачет ангел кистеперый
на дороге в березань,
потерял любовь и веру,
черту пятки облизал,
и теперь нельзя отмыться,
гаснет нимба бледный свет,
ноги чешутся – копытца
отрастают. Или нет?
Может дать без проволочек
в морду каждый чистоплюй.
Ну не надо плакать, хочешь,
я надеждой поделюсь?

Порвался чулок

Порвался чулок!
посредине вселенной
стою, прислонившись к стене,
сустав кое-как прикрывая коленный,
досада клокочет во мне.

Плевать, что случилось на свете,
дорожка
спустившихся петель
важней, чем голодные дети
в Судане, Нигерии, и Бангладеш.

Эй, совесть, не скалься,
меня ты не съешь.

Розой алой или белой

Розой Алой или Белой
размахнулись неумело,
закипело и запело,
в бой идут полки за дело,
за какое – не понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.